

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ: Схватить кайф от оваций? Так и не получилось

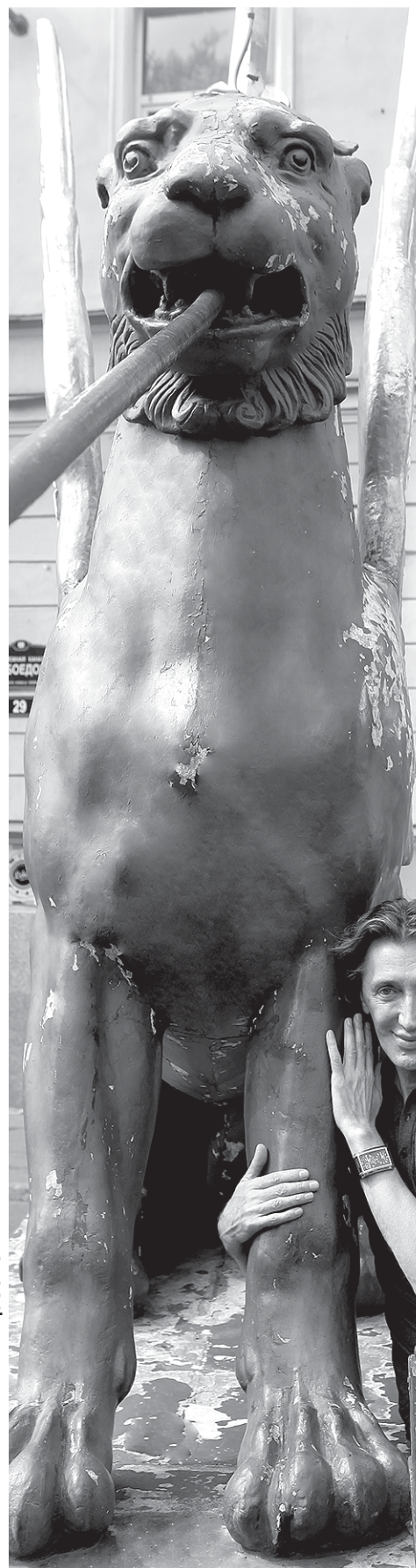
ЗНАМЕНИТЫЙ ТАНЦОВЩИК, РУКОВОДИТЕЛЬ МУЖСКОГО БАЛЕТА ОТМЕТИЛ 60-ЛЕТИЕ

Почти 15 лет Валерий Михайловский был солистом Театра Эйфмана и одним из лучших ленинградских танцовщиков. Сегодня известен прежде всего как основатель Мужского балета — единственного в своем роде, — поставивший мужчин на пуанты...

Наш корреспондент Евгений АВРАМЕНКО расспросил артиста о его творческой жизни и о том, почему он решил уйти со сцены.

— Сейчас ведь можно уехать в любую страну. Наши звезды одновременно работают по контракту в трех театрах мира. Меня в советское время приглашали в разные зарубежные труппы. Но уехать — значило назад дороги нет. А как же КГБ? А что с мамой будет, с братом?

Резкий поворот, стать, всевидящее око... В гриме Воланда.

АРТИСТЫ БАЛЕТА БОЛЬШЕ НИЧЕГО НЕ УМЕЮТ

— Два месяца назад мне пришлось распустить Мужской балет. Это связано с тяжелыми материальными условиями. Мы 17 лет были гостеатром, но в 2010 году этот статус ликвидировали. Я понял, что балетной труппе самой не выжить. Репетиционный зал нужен ежедневно — для балетных это жизненная необходимость, — а аренда стоит дорого. На налоги уходило 40% заработка. Потом, как бы бодро я ни выглядел, возраст есть возраст. Если артисту балета положено 20 лет стажа, то я на сцене 42 года, 36 из них — на гастролях. Организм изнашивается вдвойне.

Ну что такое 38 лет — возраст, когда я вышел на пенсию? Мужчины, в таком возрасте став пенсионерами, оказываются у разбитого корыта. Заново искать себя в жизни — безумно тяжело. А артисты балета ведь ничего больше не умеют. Да, кто-то становится педагогом, но сами понимаете: столько педагогов не нужно, сколько уходят на пенсию.

Я ПРОСТО ПОСМОТРЕЛ НА НЕЕ В ОБРАЗЕ

— Уходя со сцены, вы поставили перед собой конкретную черту?

— Жизнь непредсказуема. Я ведь думал, что покину сцену, еще когда ушел от Бориса Яковлевича Эйфмана. Мне было 38 лет. Но подлечился, отдохнул — и почувствовал энергию, которую девать некуда. Начал танцевать по приглашению, а через год создал свою труппу. Сейчас у меня остались кое-какие обязательства. Вот станцевал новый номер в спектакле о Нурееве «Прыжок в свободу». Если получу какое-нибудь интересное предложение — почему не согласиться?

— А вы видели Нуреева в жизни?

— Мало того что видел, я танцевал на фестивале в Казани, когда Нуреев дирижировал оркестром. Это можно назвать прощальным выступлением, ведь вскоре он умер. Сейчас модно говорить «харизма», но более точного слова к Нурееву не подобрать: он приковывал к себе взгляды одним движением. Я помню Рудольфа Хаметовича на этом фестивале (который сейчас носит его имя). Закутанного в плед, худого. Казалось, вместо ног в штанинах тростинки. А у него ведь всегда были такие мощные ноги...

— Список ролей, сыгранных вами за всю жизнь, поражает воображение. Это князь Мышкин — и бандит Мэки-нож, Христос — и Воланд. Что касается последней роли, у вас не возникло сомнений: а стоит ли за это браться?

— Что касается Воланда, то мистicism в этой роли есть, об этом говорят все исполнители. Я порвал «ахилл», танцуя Воланда. И с этой ролью связан удивительный случай. Театр Эйфмана приехал с «Мастером и Маргаритой» на французский фестиваль. Представьте картину: мы играем в амфитеатре под открытым небом, за сценой — пропасть, вдали горы, всходит огромная луна. Как принято на Западе, всех инвалидов в колясках подкатывают прямо к сцене. И я, готовясь к выходу, слышу мычание. Ребята жалуются, что невозможно работать. Выглянув, я вижу: эти громкие звуки издает девочка с ДЦП. А я как раз должен был внезапно появиться на авансцене, прямо перед зрителями. И думаю: дай-ка я ее загнипнотизирую. Я вышел — и так взглянул на нее, что она замолчала и до конца спектакля не произнесла ни звука. Меня потом допытывали: «Валера, что ты с ней сделал?» — «Да ничего. Просто посмотрел. Но посмотрел в образе».

«ВАЛЕРА, ПОДОЙДИТЕ! ЗА НАС ТОСТ!»

— А что для вас главное в работе над образом?

— Поймать состояние того или иного персонажа. И еще найти походку. Каков Воланд? Резкий поворот, стать, всевидящее око. Мышкин — светлый порыв, деликатная нерешительность. Граф Альмавива — брызги шампанского. А еще мне важно погрузиться в литературу по теме. Репетируя Мышкина, я не только изучил роман (поверьте, далеко не все танцовщики его просто прочли бы), но читал исследования о Достоевском. Я окупился в роман вместе с великими партнерами Аллой Осипенко — Настасьей Филипповной и Джоном Морковским — Рогожиным. (Смеется.) Мы добивали Эйфмана фразами из «Идиота», доказывая, почему наши персонажи не могут вести себя так, как хотелось ему. После наших атак Борис Яковлевич даже выбежал из зала.

— Говорят, Смоктуновский, восхищенный вашим Мышкиным, сказал, что вы в прыжке выразили то, что он — играя князя как драматический актер — выразить не мог. А у вас было ощущение, что язык балета

та по-своему ограничен? Хотелось выйти за рамки этого языка?

— Ощущение было. Танцовщику дана возможность стихийных выплесков, такого накала страсти, после которого остается взлететь. Но артист балета говорит со зрителем только через движение, он лишен слова, голоса, интонации. Впрочем, Мышкина мне довелось сыграть и на драматической сцене, в спектакле «Послесловие к «Идиоту». Действие происходило в клинике доктора Шнейдера — Олега Басилашвили.

Благодаря роли Мышкина — которую я считаю ролью всей жизни — я подружился с Иннокентием Михайловичем. Как-то мы были на банкете, где предложили тост за гениального и единственного князя Мышкина. Смоктуновский встал: «Простите, но нас тут двое! Валера, детка, подойдите, за нас тост!»

МИХАЙЛОВСКИЙ СОШЕЛ С УМА — ОН ВСТАЛ НА ПУАНТЫ...

— Вы можете емкой формулировкой определить ваш путь в профессии?

— Программа Мужского балета называлась «Сквозь тернии к звездам». Так, наверное. Но вообще-то прекрасно сказала Раневская: «Балет это каторга в цветах». От себя добавлю, что не всегда в цветах. Или, перефразируя классика, это «каторга, которая всегда со мной».

Карьера была тяжелой, но невероятно интересной. В Одесском театре оперы и балета я перетанцевал чуть не всю классику. У Эйфмана танцевал много современной хореографии, какие-то роли исполнил впервые в мире. Когда я организовал свой балет, кто-то написал: «Михайловский сошел с ума. Он вышел на пенсию и встал на пуанты». Фраза другого рецензента порадовала еще больше: «Далеко не молодой Михайловский создал образ удивительно юной Жизели».

Прелестями профессии не дает наслаждаться колоссальная физическая нагрузка. Когда я жил в Толстовском доме на Рубинштейна и возвращался вечерами домой, то видел, как на балкончике сидит в коляске пожилая женщина. Позже я подружился с этой женщиной, которая оказалась Лидией Михайловной Дорфман, бывшей балериной Кировского. И она мне как-то сказала: «Вот вы идете после спектакля с цветами и не представляете, какое это счастье, что вам рукоплескали, что весь зал встал. И я была такой же. А вы уловите счастье, хоть на секундочку». И вот на днях — на прощальном спектакле — я думаю: ну хоть сейчас исполню завет Лидии Михайловны. Схвачу кайф! Но нет, и здесь не получилось...

Полную версию интервью читайте на нашем сайте www.vppress.ru